

Листчес Азари не мог видеть выражение лица Линя.

Но он думал, что юношу это наверняка потрясло.

Линь действительно был потрясён, но не так, как полагал Листчес. Его потрясение больше подходило под слово «ужас».

Представьте: всё это время ты слышал некий зов, наконец увидел предмет этого зова — и вдруг кто-то говорит тебе, что это всего лишь ноготь с трупа. Чтобы ты почувствовал?

«Ноготь, который с тобой разговаривает... Ах, нет», — Линь внезапно хлопнул себя ладонью по лбу.

Движение вышло несколько глуповатым — к счастью, Кандис выглядела ещё более растерянной, чем он.

Вдруг услышать такие кощунственные речи и увидеть, как оскверняют останки чьего-то тела — если этот осколок и вправду был частью тела, — у верной последовательницы Инеевого Звоноврана это вызывало желание всадить в старого лиса заряд из дробовика, зачарованного проклятием мгновенной смерти, и превратить его в решето.

Но как от инквизитора, от неё требовалось выполнять задание — схватить Листчеса, а убить его можно было только при крайней необходимости. В ситуации, когда двое инквизиторов противостоят одному изменнику, решение о «крайней необходимости» принимается начальством, и никак иначе.

Правда, если бы ближайший начальник — заместитель верховного инквизитора Кроввирг — услышал сейчас слова Листчеса, он бы, вероятно, сразу обратил старого лиса в кровавую жижу.

Поэтому Кандис то поднимала пистолет, то опускала его. На самом деле, формально перед ней не стояло никаких преград, чтобы направлять ствол на Листчеса в данной ситуации. Но она боялась, что не удержится и нажмёт спуск, убив его на месте.

В конце концов она лишь взглянула на Линя. Хоть их знакомство длилось недолго, и Линь был гораздо моложе её, за это время она уже признала его надёжным.

Сам Линь быстро справился с тем ощущением пробегающего по спине холода. Он подумал, что, какие бы страх и потрясение ни одолевали бы его сейчас, ничего не могло сравниться с вчерашним рассказом верховного инквизитора о деле, где жена убила мужа-культиста.

Он внимательно посмотрел на осколок, который держал Листчес. В ушах у него звенел отчётливый шум прибоя, словно он снова стоял на берегу, где волны накатывали на песок; где

море переливалось в бледном лунном свете, пробивающимся сквозь облака.

К счастью, Линь не оказался вновь на том пляжу.

— Я думал, — произнёс он, — что повелительница снов — это Дева Серебряной Луны.

— Хах, — Листчес хрипло усмехнулся. — Потому что в школе инквизиторам всегда внушали быть осторожными со странными снами? Говорили, что это, возможно, вмешательство Девы Серебряной Луны? Это не совсем неверно. Она завладела частью останков Мелодии Раковины и через них могла использовать силу снов. Но увы, остальные останки всё это время были под контролем Инквизиции. Они десятилетиями перемещались из города в город, строго опечатанные, чтобы Дева Серебряной Луны не могла их найти.

Старый лис поднял взгляд к своду пещеры, где когда-то мерцал серебристый свет между листьями.

Сегодня был первый раз, когда он увидел полный ритуал последователей Девы Серебряной Луны.

Верующие радовались её явлению, трепетали от её дара, а Листчес видел лишь её желание, её нетерпение.

— Я подозреваю, — холодно сказал он, — что именно Дева Серебряной Луны убила Мелодию Раковины.

В сознании Линя промелькнули образы его пребывания на том берегу у моря: лунный свет, пытавшийся озарить побережье, но заслонённый облаками; прозрачные существа, чья сила зависела от света; и слова синеволосого русала:

«Участки моря, куда падает лунный свет, подчиняются той шлюхе».

Если так, то, возможно, когда лучи луны пробивались через толщу воды и падали на какую-нибудь раковину, Дева Серебряной Луны действительно могла вмешиваться в сны.

Но тогда — кто же был тот синеволосый русал?

«Неужели дух Мелодии Раковины? Хотя, нет, по поведению совсем не похоже».

Что же до того, действительно ли Дева Серебряной Луны убила Мелодию Раковины... Для Линя это значило меньше, чем сам факт: среди богов, оказывается, убийство и поглощение чужих сил являлось обычным делом.

Если учесть, что все известные ныне божества обладали множественными титулами, то слабенький Око Зазеркалья вдруг показался особенно жалким.

Невольно вжившись в ситуацию, Линь не выдержал и спросил:

— Директор, вы хотите стать богом снов?

Листчес не ответил, но его отношение было очевидным. Закутанная в плащ Кандис щёлкнула языком.

Человек не мог стать богом. В этом мире боги являлись богами, а люди людьми, и никогда одно не могло превратиться в другое.

— Не говоря пока о том, насколько осуществим ваш план, — начал Линь, — вы хотите стать богом снов лишь затем, чтобы Дева Серебряной Луны убила вас? Вы ведь не похожи на того, кто мог бы её одолеть.

После этих слов в туннеле воцарилась неловкая тишина.

Листчес явно поперхнулся от такого ответа, а Линь продолжил:

— Может статься, что в следующую секунду после вашего становления богом вы увидите, как Дева Серебряной Луны уже расставляет приборы к столу.

Ритуалист говорил, исходя из собственного опыта. При воспоминании о моменте, когда на пляже Дева Серебряной Луны пыталась его соблазнить, он подумал о том, как лунный свет показался ему вкусным, и догадался: скорее всего, она тоже видела в нём лишь блюдо на своей тарелке.

Линь говорил от души, но на лице Листчеса проступила злость.

— Вижу, тебя всё равно не переубедить, — сказал старый лис. — Но доживёшь до моего возраста — и поймёшь.

«На пути к становлению божеством я, пожалуй, продвинулся куда дальше, чем вы, — подумал Линь. — И этого я точно не смогу понять».

— Там, где не действуют слова, говорить приходится оружием, — произнёс он холодно. — Таково учение Близнецов Диссонанса. Но я не хочу, чтобы всё дошло до этого. Директор, отпустите руку, сжимающую вашу шаль, и ту, что держит осколок.

Листчес тяжело вздохнул.

— Я изучал «Раковину» уже очень давно...

Его голос не успел стихнуть, как старый лис, обладавший не свойственной возрасту ловкостью, первым пошёл в атаку.

Без ритуального круга, без материалов, без молитвы — осколок «Раковины» в руке Листчеса внезапно завибрировал, и низкий гул разнёсся по туннелю.

В тот же миг на Линя обрушилось головокружение, а недосып с прошлой ночи странным образом прорвался наружу и захлестнул его сонливостью. Но Линь был готов: он упёрся рукой в стену туннеля и швырнул вперёд три металлических шара.

— Отключи звуковые сенсоры! — предупредил он Песнелета, находившегося совсем в другом месте.

Песнелет всё ещё оставался в зале, помогая Ходогоре и Кроввиргу одолевать культистов, но дистанционное управление и многозадачность были фирменными приёмами механика. Пока сохранялась магическая связь, нахождение в зале ничуть не мешало ему участвовать в бою и здесь.

А машины не поддавались действию чар сна.

Линь лишь на всякий случай взял с собой металлические шары Песнелета, но не ожидал, что именно сейчас они окажутся решающим ходом. Три шара раскрылись в воздухе: один, с четырьмя винтами, поднялся вверх с жужжанием, и в его основании засветился ствол, спустивший пучок пылающего красного света — за секунду накопившийся лазерный заряд вырвался наружу. Два других шара обернулись механическими псами: их пасти раскрылись, обнажая стволы, и тут же раздалось сухое «та-та-та-та» — они выпустили очередь сдерживающих снарядов.

Но Листчес оказался не менее подготовлен: его силуэт рассеялся, словно мираж.

Обычная иллюзия, сбивавшая органы чувств, не должна была подействовать на дронов и механических псов. Однако после исчезновения старого лиса они будто утратили цель, прекратили огонь и начали метаться по кругу.

Линь задумался на мгновение — затем, будто случайно подняв фонарь, высветил дальнюю часть туннеля, а сам двумя пальцами зажал маленькое зеркальце, выпавшее из рукава, и опустил взгляд.

В отражении он увидел собственное лицо, покрытое повязкой, и в тот же миг очнулся.

Придя в себя, Линь обнаружил, что всё ещё стоит на том же месте. Но дрон и два пса исчезли, а Кандис, прислонившись к стене, спала, её дыхание было ровным и спокойным.

Всё, что только что произошло, казалось сном.

Даже так, именно сном оно и было.

А напротив них ничего не подозревавший Листчес, думающий, что Линь всё ещё во власти чар, крался прочь.

«Выходит, пробуждение жертвы заклинания не ощущается самим заклинателем? Верно: Листчес, вероятно, полагался на силу осколка, а не на собственную магию, и этим он отличается от настоящего служителя».

Линь бросил взгляд на осколок «Раковины», всё ещё сжатый в руке Листчеса, и уже в реальности швырнул три металлических шара.

Звук раскрывшихся пропеллеров и приземляющихся на каменный пол псов заставил Листчеса замереть.

Он обернулся — и откровенно поразился.

— Как ты...

Договорить старый лис не успел: очередь сдерживающих снарядов облепила его с головы до ног.

Данные снаряды взрывались, разбрызгивая густую липкую субстанцию. По составу и действию было очевидно, что алхимики, создавшие их, «позаимствовали» кое-что у служителей Мастера Адгезии.

Сейчас, если бы Листчес всё ещё мог призвать силу Шести Столпов, множество ритуалов Золотого Молота позволили бы ему вырваться. Но именно потому, что Песнелет подозревал его неспособность обращаться к силам Столпов, механические псы и были оснащены сдерживающими боеприпасами.

И вот, облепленный клеем с головы до ног, старый лис оказался распластан и прилеплен к стене туннеля.

Он что-то крикнул Линю, но тот и ухом не повёл.

Темноволосый ритуалист с завязанными глазами осторожно достал носовой платок, подаренный верховным инквизитором, и приблизился к осколку «Раковины», всё ещё зажатому в пальцах Листчеса.

«Только бы сейчас не затянуло на тот пляж!» — молился Линь. Чем ближе он подходил, тем сильнее ощущал притяжение артефакта. Ноги его замедлялись сами собой. Проверив, что перчатка на руке надета и накрыта платком, юный инквизитор потянулся к осколку.

Но едва он присел рядом, обдумывая, как лучше подступиться, по туннелю пронеслось громкое «берегись!».

Крик доносился издалека и принадлежал Ходогоре.

Но было уже поздно. Из земли вырвалась толстая лиана и метнулась прямо между ним и Листчесом.

Линь отшатнулся, но удар пришёлся — растительная плеть хлестнула его. В правой ладони у него вспыхнул крошечный ритуальный круг, и в тот же миг перед ним поднялся слабый силовой щит. Но лиана разбила его одним ударом.

Ритуалист с тёмными волосами отлетел, перекувырнулся дважды, а перчатка на его руке пропиталась кровью, которая проступила даже сквозь ткань платка.

Если бы растительная плеть погналась за ним дальше, он, пожалуй, и впрямь пал бы как «хрупкий ритуалист». Но лиана, лишь отбросив его, продолжила расти, и вскоре превратилась в женскую фигуру.

«Явора Бенгаль! Когда она успела добраться сюда? Это её растительная проекция или она сама?»

У высших пастырей цветов граница между ними и растениями была предельно тонка. Отличить настоящую её от её творений могли разве что служители Матери Первозданной Крови.

Линь не мог. Поднявшись и стиснув зубы от боли, он увидел, что Явора уже вырвала из пальцев лисолюда осколок «Раковины», вновь рассыпалась на лианы и начала уходить под землю.

Вдалеке Кроввирг спешил к ним, почти превратившись в кровавый луч.

Но Линь понял: тот не успевал.

Явора Бенгаль засмеялась. Похоже, она отказалась от Листчеса.

Да, ритуалисты ценились, особенно такие, как он. Им предстояло проводить невиданно крупный ритуал, и опытные ритуалисты считались на вес золота.

Но по сравнению с осколком «Раковины» даже Листчес Азари был неважен.

«Где бы добыть ещё одного ритуалиста? Кажется, прямо рядышком есть подходящий?»

И, прежде чем скрыться под землёй, Явора метнула взгляд на темноволосого инквизитора, с трудом поднявшегося с пола.

На его лице был противогаз, глаза скрывала повязка. Но сейчас он приподнял эту повязку с левого глаза.

И под ней чёрный зрачок уставился прямо на неё. Казалось бы, между ними находилось большое расстояние, но Явора ясно видела: гладкую поверхность зрачка испещряли тончайшие жёлтые линии.

То был ритуальный круг, уменьшенный до предела.

Другой рукой Линь достал свой часто используемый жёлтый бриллиант и прижал его прямо к главному яблоку.

<http://bllate.org/book/12612/1119973>